

С В БЕРЕЗКИНА

**ЕКАТЕРИНА II В СТИХОТВОРЕНИИ ПУШКИНА
«МНЕ ЖАЛЬ ВЕЛИКИЯ ЖЕНЫ»**

Первым исследователем, сделавшим тему «Пушкин и Екатерина II» предметом своей специальной статьи, был П Н Берков¹ В ней он коснулся и стихотворения Пушкина «Мне жаль великия жены» (1824), которое, по его мнению, отразило «тот же самый круг идей и, возможно, те же фактические материалы», что и «Заметки по русской истории XVIII века», написанные поэтом в Кишиневе в 1822 г.² В них Пушкин писал «Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивления потомства Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество < > Но со временем История оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости Покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России»³ В дальнейшем

¹ Берков П Н Пушкин и Екатерина II // Учен зап Ленингр ун-та № 200 Сер филол наук 1955 Вып 25 С 212–215 Эта статья вошла в *Берков П Н Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века // Пушкин Исслед и мат М, Л, 1962 Т IV С 75–93*

² Берков П Н Пушкин и Екатерина II С 214 Сходная точка зрения была высказана П О Морозовым в комментарии к «Мне жаль великия жены» в *Пушкин Сочинения / Под ред С А Венгерова СПб, 1909 Т III С 550*

³ *Пушкин Полн собр соч В 16 т М, Л, 1949 Т XI С 15–16* Далее ссылки на это издание даны в тексте (римской цифрой обозначен том, арабской — страница)

оценка деятельности Екатерины, высказанная Пушкиным в столь категоричной форме, претерпела в его сознании значительные изменения. Так, в 1836 г в письме к П Я Чаадаеву Пушкин указывал, что именно Екатерина Великая «поместила Россию на порог Европы» (XVI, 172). Иной, нежели в 1822 г, взгляд на личность императрицы нашел свое отражение у Пушкина уже в стихотворении «Мне жаль великия жены», где был дан портрет Екатерины, не лишенный некоторого сочувственного оттенка.⁴ По мнению В Э Вацура и М И Гиллельсона, «Мне жаль великия жены» — «характерный образец иронического отношения к самой Екатерине — „милой старушке“, жившей „приятно и немного блудно“, с признанием за ней общественных заслуг»⁵

Вместе с тем следует отметить, что исторический аспект анализа «Мне жаль великия жены», получивший некоторое освещение в научной литературе, не охватывает всего богатства этого замысла Пушкина. В тени остались как история создания стихотворения, так и интереснейший пласт литературно-полемических выпадов Пушкина, определивших характер данного в нем портрета Екатерины II.

Говоря об истории создания этого произведения, нельзя пройти мимо проблемы его дефинитивного текста. Рукопись «Мне жаль великия жены» находится в рабочей тетради поэта, хранящейся в Пушкинском Доме под шифром ПД 835 (л 19). В текстологическом плане этот автограф является одним из сложнейших у Пушкина. Несмотря на усилия П А Ефремова, П О Морозова, В Е Якушкина и М А Цявловского, текст «Мне жаль великия жены» вплоть до большого академического собрания сочинений Пушкина представлял собой контаминацию неясных отрывков. В этом издании текст стихотворения был подготовлен двумя крупнейшими текстологами — Н В Измайловым и Б В Томашевским (II, 341, 867–870, 1144). Ниже приводим его по малому академическому изданию сочинений Пушкина, где в текст стихотворения Томашевским были внесены некоторые изменения.

⁴ Подробнее об эволюции воззрений Пушкина на Екатерину II и ее эпоху начиная с лицейского периода и вплоть до 1836 г см *Томашевский Б В Пушкин М, Л, 1956 Кн I 1813–1824 С 579–582*, *Новонайденный автограф Пушкина Заметки на рукописи книги П А Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» / Подгот текста, ст и коммент В Э Вацура и М И Гиллельсона М, Л, 1968 С 87–92*, *Стенник Ю В Пушкин и русская литература XVIII века Л, 1995 С 120–123, 135–136* и др.

⁵ *Новонайденный автограф Пушкина С 88*

- 1 Мне жаль великия жены,
Жены, которая любила
Все роды славы дым войны
И дым парнасского кадила.
- 5 Мы Прагой ей одолжены,
И просвещеньем, и Тавридой,
И посрамлением Луны,
И мы прозвать должны
Ее Минервой, Аонидой.
- 10 В аллеях Сарского Села
Она с Державиным, с Орловым
Беседы мудрые вела,
С Делиным, иногда с Барковым.
Старушка милая жила
- 15 Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
С тех пор мгла.
- 20 Россия, бедная держава,
Твоя удушенная слава
С Екатериной умерла⁶

Томашевский писал о тексте: «Композиция стихотворения, последовательность извлекаемых из черновика отдельных стихов — предположительны».⁷ В новом академическом издании, которое готовится в Пушкинском Доме к 200-летию со дня рождения поэта, текст «Мне жаль великия жены», несомненно, будет изменен, поскольку ряд решений Измайлова и Томашевского вызывает сомнение. Однако именно этим ученым принадлежит неоспоримая заслуга: они выстроили текст автографа, разбросанного по всему листу, в порядке, по-видимому, соответствующем замыслу Пушкина. Стихи 1–4 и 10–18 (отсчет стихов дан по приведенному в статье тексту) записаны на левом поле рукописи, стихи 5–9 представляют собой вставку (она отмечена в автографе знаком «тире» после стиха 4 <?> и перед стихом 5) и записаны выше первоначального текста в левом верхнем углу с переходом в правый угол. Окончание произведения (стихи 19–22) Пушкин набросал в самом низу листа. В автографе много незачеркнутых, но, несомненно, отвергнутых Пушкиным вариантов, что

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. 2-е изд. М., Л., 1956. Т. 2. С. 231.

⁷ Пушкин А. С. Стихотворения. В 3 т. Л., 1955. Т. 3. С. 794 (Библиотека поэта. Большая серия).

крайне затрудняет решение о дефинитивном тексте «Мне жаль великия жены»⁸

Как же зародился в сознании поэта замысел произведения о Екатерине II? Ответ на этот вопрос дал нам его автограф Черновые строфы XXXVIII—XXXIX «Евгения Онегина» (глава 3), вокруг которых написан текст «Мне жаль великия жены», посвященный приезду к Лариным героя после получения им письма Татьяны. Казалось бы, какая связь может быть между этим событием и Екатериной Великой? А между тем связь эта, несомненно, имеется. Вот как в черновике изобразил Пушкин побег из дома Татьяны, взволнованной приездом Евгения

Татьяна прыг в другие сени
С крыльца во двор и прямо в сад
[Она летит] взглянуть назад
Не смеет — мигом обежала
Куртины, мостик <и> [лужок]
По цветникм она к [ручью]
И задыхаясь (VI, 328)

С двумя строками «Куртины, мостик <и> [лужок] / По цветникам она к [ручью]» у Пушкина связано огромное количество вариантов, причем в большом академическом издании они переданы далеко не все. Так, в нем приведен лишь один вариант, упоминающий куртины, а между тем в черновике это слово в различных сочетаниях написано не менее семи раз. Пушкин упорно работал над этими строками, исчеркав весь текст. Он искал для себя возможность красочно и динамично описать парк и сад Лариных, по которым бежала испуганная Татьяна. Вот текст, удовлетворивший в конце концов автора

мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью (VI, 71)

⁸ С А Фомичевым предложена иная гипотеза последовательности за полнения Пушкиным автографа «Мне жаль великия жены» сначала на середине левого поля как эпиграмма — стихи 14–18, а затем выше — стихи 1–4 и т. д. (Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 (Из текстологических наблюдений) // Пушкин Исслед и мат Л, 1983 Т. XI С. 55). На наш взгляд, почерк, которым записаны стихи 1–4 «Мне жаль великия жены», свидетельствует о том, что именно здесь автором было положено начало работе над этим произведением.

Полагаем, что все те куртины, аллеи, беседки, мостики, лужки, клумбы, цветники, которые перебирал в различных вариантах Пушкин, связывались в его памяти не с какой-то конкретной дворянской усадьбой, а с незабвенными для него царскосельскими садами. Вот куда мысленно перенесся поэт, работая над этим фрагментом онегинского текста,— в Царское Село. В автографе описание усадьбы Лариных смыкается со строками Пушкина о беседках и аллеях Царского Села (один из черновых вариантов: «В беседках Царского Села»). От воспоминаний о нем было так естественно перейти к размышлениям о Екатерине Великой, что Пушкин тут же, на полях онегинской рукописи, начинает писать стихотворение о ней (оба эти текста датируются одним временем — концом сентября 1824 г.⁹). Причем художественная мысль поэта, по-видимому наделившего парк Лариных отблеском величия царскосельских садов, обнаруживает при внимательном взгляде на эту страницу пушкинской тетради свой устоявшийся, почти ассоциативный характер.

Дело в том, что у Пушкина эта связь воспоминания о царскосельских садах с образом великой императрицы неоднократно находила свое поэтическое выражение. В 1814 г. Пушкин писал в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе»:

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспомянья прежних лет;
Возрев вокруг себя, со вздохом Росс вещает:
«Исчезло все, Великой нет!» (I, 79).

В стихотворении под тем же названием, написанном в 1829 г., вновь выражается та же мысль: «Еще исполнены Великою Женою, / Ее любимые сады» (III, 190). Вместе с тем Пушкин здесь следует не только складу своего поэтического мышления. Размышления о Екатерине, подававшиеся читателю в обрамлении царскосельского пейзажа, к моменту написания «Мне жаль великия жены» давно уже стали устоявшейся литературной традицией (ее утверждению способствовал и лицеист Пушкин). Эту традицию хорошо проиллюстрировал Я. К. Грот, который указал на произведения Жуковского, Державина и даже Ломоносова, успевшего воспеть «Сарское Село» и его хозяйку.¹⁰ Оно было любимой загородной резиденцией Екатерины II, приложившей огромные усилия к его устройению, причем вкусы императрицы определили эстетику неповторимого дворцово-паркового ансамбля Царского Села.

⁹ См. об этом: Пушкин: Исслед. и мат. Т. XI. С. 55.

¹⁰ *Державин Г. Р. Сочинения / С объяснит. примеч. Я. Грота.* 2-е изд. СПб., 1869. Т. 2. С. 62–63.

В стихотворении «Мне жаль великия жены» Екатерина II является именно хозяйкой Царского Села. Любопытен подбор имен сподвижников Екатерины, названных в пушкинском стихотворении,— это Г. Р. Державин, Г. Г. Орлов и Ш.-Ж. Делинь¹¹ (И. С. Барков в данном случае, конечно же, был упомянут Пушкиным не в качестве знакомого императрицы, а как автор порнографических сочинений, которые могли ее заинтересовать). Почему среди екатерининских сановников были названы именно они? Причем в выборе между Державиным и Потемкиным Пушкин несколько колебался (черновой вариант: «В беседках Царского села / Она с Пот<емкиным>, с Орл<овым>» — II, 868), однако вопреки собственному убеждению в том, что среди екатерининских фаворитов, «обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою Истории» (XI, 15), он его тем не менее вычеркнул, оставив Державина. При этом «певец Фелицы» не просто назван — державинская тема является стержневой в этом произведении Пушкина. Именно она определила полемический характер портрета Екатерины, запечатленного в стихотворении «Мне жаль великия жены».

Судя по автографу, первоначальный замысел Пушкина ограничивался строками 1–4 и 10–18: все произведение должно было заканчиваться стихом «И умерла, садясь на судно». Уже на этом этапе работы над произведением в нем появляется имя Державина. Однако этого мало — один из стихов «Мне жаль великия жены» (стих 17) имеет своим источником строку из стихотворения Державина «Развалины» (1797), написанного на смерть Екатерины. Эта переключка еще не была отмечена в научной литературе, а между тем она несомненна — ср.: «Сжигали флоты средь морей» (Державин) и «Наказ писала, флоты жгла» (Пушкин).¹² Эта реминисценция из Державина не является в тексте «Мне жаль великия жены» и его черновых вариантах единичной.

¹¹ По мнению Томашевского, этот австрийский дипломат, служивший в России в 1782–1788 гг., упомянут Пушкиным в качестве исключительно тонкого собеседника, чьим обществом особенно дорожила императрица. «Эту тонкость Делиня,— писал в комментарии исследователь,— Екатерина очень ценила, что не мешало ей любить и самые грубые скабрзные шутки в духе поэта-порнографа Ив. Баркова» (*Пушкин А. С. Стихотворения: В 3 т. Т. 3. С. 794*).

¹² Державин и Пушкин имеют здесь в виду сожжение турецкого флота во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. (Чесменское сражение 26 июня 1770 г.) и шведского флота (Выборгское сражение 22 июня 1790 г.) во время русско-шведской войны 1788–1790 гг.

Какое же развитие получила державинская тема в процессе работы Пушкина над стихотворением? Решив сделать вставку в первоначально написанный им текст, Пушкин пишет строки (стихи 5–9), в которых пытается в ироничной манере, не лишённой, впрочем, позитивного начала, «воспеть» как истинный одописец Екатерину. Чем же мы, вопрошает поэт, «одолжены» Екатерине? И Пушкин называет многие из достижений екатерининской эпохи, справедливо связывая их с её именем (ниже наряду с дефинитивным текстом используются и черновые варианты): это и просвещение, и Таврида (т. е. Крым, завоеванный при Екатерине), и стихи (Пушкин, по-видимому, имеет в виду те поэтические произведения, которые были связаны с именем Екатерины), и крепость вблизи Варшавы Прага,¹³ и «посрамление Луны» (типичная для поэзии екатерининского века перифрастическая формула, указывавшая на побежденную в двух войнах Турцию), и царевна (т. е. Фелица, «царевна Киргиз-Кайсацкия орды»; Пушкин, таким образом, ставит в заслугу Екатерине обращенные к ней как к Фелице стихи Державина, ставшие вершиной русской поэзии XVIII в.), и Душенька (здесь имеется в виду героиня одноименной поэмы И. Ф. Богдановича, в образе которой есть черты, заимствованные автором у Екатерины).

Одическая традиция требовала пышных титулов, и Пушкин задумывается над тем, как же мы «назвать должны» Екатерину. В рукописи поэт оставил множество незачеркнутых, но, несомненно, отвергнутых им хвалебных титулов, что также некоторым образом приближало стихотворение к оде: восхваляя Екатерину, поэту трудно было остановиться, поскольку инерция славословия увлекала его все дальше и дальше. В ряду титулов, которыми награждает императрицу Пушкин, некоторые выглядят более чем традиционно. Например, Минерва — античная богиня мудрости, дарующая людям законы и стоящая на страже порядка; этот титул сопровождал Екатерину с момента коронации до самой смерти. Этой традиции отдали поэтическую дань Ломоносов, Сумароков, Державин, юный Пушкин («Воспоминия в Царском Селе», 1814). Наименование Екатерины «царевной» и «киргизской царевной» вносило в стихотворение «Мне жаль великия

¹³ Говоря «Мы [Прагой] ей одолжены», Пушкин имел в виду третий раздел Польши (1795), результатом которого явилась ликвидация польской государственности. Однако Варшавское герцогство с крепостью Прага отошло к России лишь 1815 г., после победоносного завершения войны с наполеоновской Францией. Эта часть Польши была присоединена к землям Речи Посполитой, отошедшим к России еще при Екатерине II.

жены» элемент державинской образности. А вот Душенькой ее не называл никто, даже сам создатель одноименной поэмы. Несмотря на обилие комплиментов Екатерине, рассыпанных в поэме Богдановича, несмотря на черты сходства с нею самой Душеньки, так назвать императрицу можно было лишь с известной долей иронии, пронизывающей все произведение Пушкина.

К отброшенным вариантам относится и наименование Пушкиным Екатерины Любовью. На наш взгляд, здесь поэт вновь использовал образ из арсенала Державина, а именно из высоко ценимого Пушкиным стихотворения «Водопад» (1791–1794). Вот как Державин изобразил в нем скорбящую о Потемкине Екатерину: «Под древом, при заре вечерней, / Задумчиво Любовь сидит, / От цитры ветерок весенний / Ее повсюду голос мчит».¹⁴

В пушкинских черновых стихах «Прозвать. . . Любовью душенькой Кип<ридой> <?> (II, 869) поражает удивительно удачный подбор поэтических имен Екатерины. За ними угадывается образ не только государыни-матушки, любящей своих детей, но и красивой, привлекательной женщины. Однако есть здесь и элемент двусмысленности, поскольку этими образами Пушкин пытался ввести уже во вторую строфу тему «развратной государыни», ясно очерченную написанными ранее строками «Старушка милая жила / Приятно и немного блудно».

В черновых вариантах, прочтенных Измайловым и Томашевским, наименование Екатерины Кипридой можно увидеть и в другом фрагменте:

Мы Прагой ей одолжены
И просвещеньем и Тавридой
< >
Царевной душенькой <Кипридой> (II, 869).

Слово «Киприда» здесь не написано, однако текстологи были настолько уверены в своей догадке, что даже не сопроводили свою конъектуру вопросительным знаком. Почему? Во-первых, им была ясна рифма к слову «Тавридой»: это созвучие напрашивалось само собой, и Пушкин, как это часто у него бывало, не стал его записывать. Во-вторых, смысл всего фрагмента указывал на то, что недописанное поэтом слово должно было назвать какое-то произведение, яркое в художественном отношении и вполне узнаваемое (так «царевна» указывала на оды Державина, Душенька — на поэму Богдановича). «Киприда» же указывала на единственное в истории русской поэзии произведение, где русская императрица была названа именно так,— на уже упоминавшиеся нами

¹⁴ Державин Г. Р. Сочинения. Т. 2. С. 328.

«Развалины» Державина, где мы находим редчайший, просто уникальный случай подобной античной прономинации Екатерины II Кипридой называть императрицу было не принято. Это слово Державин взял из совершенно иной области поэзии, далекой от обращенных к венценосным особам од. Однако здесь в обращении к Екатерине сказалось по-особому интимное, задушевное дерзновение, характерное лишь для одного из русских поэтов — для «певца Фелицы».

Образ Киприды и стих « флоты жгла» не исчерпывает проблемы соотношения двух произведений — стихотворений Пушкина «Мне жаль великия жены» и Державина «Развалины». У этих произведений единый источник вдохновения — воспоминание о Царском Селе и его хозяйке. Державин в «Развалинах» мысленно путешествует по местам, освященным присутствием Киприды-Екатерины (в стихотворении Царское Село представлено как остров богини Киприды), тот же творческий посыл, как мы это видели в автографе Пушкина, определяет и замысел «Мне жаль великия жены». Однако Пушкин, в 1822 г. выразивший удивление «подлостью русских писателей», воспевавших Екатерину (XI, 15), смотрит на нее иными глазами. Для Державина императрица — подлинная небожительница. В ее царскосельской жизни его поражало все то, что она делала как простая смертная: «Здесь в внутренни она чертоги / По лестнице отлогой шла, / Куда гостить ходили боги»¹⁵. Пушкин также не прочь побродить по аллеям Царского Села вместе Екатериной, Державиным, Орловым, но картина, открывающаяся его взору, принципиально иная. В стихотворении «Мне жаль великия жены», несомненно, присутствует элемент идейно-художественной полемики с «певцом Фелицы». Пушкин спорит с ним, показывая за наружным блеском императрицы ее подлинную суть, лишенную каких-либо божественных черт, ее суетность, тщеславие, похотливость.

Завершив вчерне стихи 5–9, Пушкин обратился к финалу своего стихотворения (стихи 18–21), в котором, по-видимому, следует усмотреть еще одну переключку с державинскими «Развалинами»: «Все тьмой покрылось, запустело, / Все в прах упало, помертвело / От ужаса вся стынет кровь, / Лишь плачет сирая Любовь»¹⁶. Ср. также черновой пушкинский вариант «С тех пор затмилась навсегда / России < > слава» (II, 870). Конечно, обнаружившуюся при сравнении стихов Державина и Пушкина параллель можно объяснить формализованными поэтическими приемами произведений, написанных на смерть какого-то лица. Для них

¹⁵ Державин Г. Р. Сочинения. Т. 2. С. 62.

¹⁶ Там же.

привычны образы тьмы, пустоты, сиротства. Однако при наличии несомненных моментов полемики с Державиным, отмеченных нами в «Мне жаль великия жены», следует предположить, что и в финале произведения Пушкин шел на сознательное сближение некоторых его образов с державинскими, вновь обнаруживающее принципиальное несогласие поэта с «певцом Фелицы». Для Державина смерть Екатерины — это смерть богини (ее любили, и в этом смысл наименования Екатерины Кипридой, богиней любви). После нее осталась лишь «сирая Любовь», т. е. чувство, которое внушила Киприда знавшим ее. Однако не это чисто державинское чувство обожания, устремленное к императрице, объясняет в произведении Пушкина тьму, которая опускается на Россию с ее смертью. По его убеждению, именно эта суетная, тщеславная и развратная женщина дала России славу, которой не суждено было повториться при венценосных ее преемниках. Приглядимся к тому, как Пушкин называет императрицу в стихотворении: сначала это «великая жена», потом «Минерва-Аонида», «она», «Старушка милая», «Вольтеру первый друг», и лишь в самой последней строке звучит ее полное имя — Екатерина («С Екатериной умерла»). Это имя говорит само за себя, и, как бы опровергая собственное утверждение 1822 г. о том, что в будущем Екатерину ждет «проклятие России», Пушкин поднимается на новую ступень своего исторического сознания: личность великого человека при всей ничтожности и слабости, которыми может быть отмечена его жизнь, измеряется не этим, а достижениями, приобретениями, славой, которые он сумел снискать, подвизаясь на своем поприще. Историческое мышление поэта, любившего славу своего отечества, начинает впитывать то благоволение, с которым Пушкин, по воспоминаниям современников, умел смотреть на людей. В этом смысле стихотворение «Мне жаль великия жены» является своего рода мостиком, скрепляющим две противоположащие крайности — критически заостренные «Заметки по русской истории XVIII века» и позднейшие высказывания о Екатерине II, где поэт отдал щедрую дань хвалы эпохе, присвоившей себе ее имя.